

Рец. на кн.: Т. Рокмор. Маркс после марксизма. А. Мегилл. Карл Маркс. Бремя разума

| Печать |

Автор Длугач Т.Б.

11.11.2011 г.

Т. РОКМОР. Маркс после марксизма. Пер. с англ. 400 с.

А. МЕГИЛЛ. Карл Маркс. Бремя разума. Пер. с англ. 335 с. М.: Канон +, 2011.

Интерес к наследию К.Маркса, прежде всего на Западе, за последние 30 лет значительно возрос. Об этом свидетельствуют, в частности, и обе рецензируемые книги.

Обратимся к исследованию американского философа Т. Рокмора.

Автор, справедливо полагая, что на Западе гораздо большее влияние имеет либеральный социализм, нежели марксизм, сосредоточивается на вкладе К. Маркса в философию и политэкономии и вследствие этого на роли идей Маркса в наши дни. Т.Рокмор считает Маркса одним из самых выдающихся мыслителей XIX и даже XX веков. По силе своей мысли и значению вклада в философию и политэкономии он оставляет позади и своих современников (исключая Гегеля), и нынешних известных исследователей - таких, как Рикёр, Деррида, Глюксман, Альтюссер, Делез и др. Однако для того, чтобы правильно понять Маркса, нужно, как полагает Т. Рокмор, прежде всего отделить его взгляды от марксизма, от официальной марксистско-ленинской идеологии, от диамата и истмата, которые чаще затушевывали открытия великого мыслителя, чем их раскрывали.

Понятие о диалектическом материализме сложилось, по мнению автора, в результате изучения Г.В.Плехановым, а затем А.М.Дебориным философского раздела в «Анти-Дюринге» Ф.Энгельса - ни Маркс, ни Энгельс этого термина не употребляли, его употребил вначале Плеханов, а затем свою лепту внесли В.И.Ленин и И.В.Сталин. После этого интерпретации Маркса пошли по линии непрерывного упрощения и вульгаризации. Хотя были и высокопрофессиональные исследования типа Д. Лукача и М. Лифшица (последнего Т. Рокмор не знает, хотя нередко в литературе рядом с фамилией Лукача стоит имя Лифшица).

Для того, чтобы понять Маркса по-новому, как считает Т. Рокмор, необходимо отставить марксизм в сторону и изучать непосредственно произведения Маркса. Новое понимание Маркса, по мысли автора книги, состоит, в частности, в том, что К.Маркс был не материалистом, а гегельянцем и, более того, «последним из великих немецких идеалистов, находящимся не вне, а внутри великой традиции немецкого идеализма» (с. 15). Маркс вообще «никогда не говорит о различии между материализмом и идеализмом как центральной или хотя бы в каком-то смысле центральной философской теме» (с. 41). Если он употребляет иногда понятие «материализм», то, скорее, терминологически, а не содержательно. А вообще-то он считает себя «реальным гуманистом», каковым его и следует считать.

И далее автор уточняет: «Хотя применительно к положениям Маркса обычно употребляется термин «материализм», Маркс, как ни удивительно, отнюдь не является материалистом ни в каком из общепринятых смыслов этой позиции. Под «материализмом» обычно понимается мнение, что путем анализа всё может быть сведено в конечном счете к мельчайшим частицам, скажем атомам или субатомным частицам вроде кварков и т. д.; эта точка зрения, корни которой, несомненно, уходят в древнегреческую мысль, лежит в основании значительной части современной науки, основывающейся на атомарной теории материи» (С. 39-40).

Однако такие объяснения, как нам кажется не могут считаться бесспорными. Во-первых, Маркс *говорит* о противоречии материализма и идеализма: раздел «Фейербах» в «Немецкой идеологии» носит подзаголовок «Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». Во-вторых, только об этом и идет речь в «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.), особенно в 1,4 и 8. Когда Маркс говорит здесь о деятельности внутри идеализма, он противопоставляет её чувственной деятельности, практике и имеет в виду именно противоположность идеальной и материальной деятельности, т. е. косвенно - противоположность идеализма и материализма. Представления Т.Рокмора о материализме как об учении о мельчайших материальных частицах слишком уж упрощенно - они относятся, скорее, ко взглядам французских материалистов XVIII в., нежели к марксовским. Практика как *чувственная, предметная деятельность* материальна, о ней Маркс во Введении к «Критике политической экономии» говорит как о «материальных производительных силах общества».

Не убеждает, далее, и стремление Т.Рокмора представить К.Маркса как идеалиста вследствие того, что он исходил из познания мира на основе его реконструкции в *сознании* (см. с. 325); материалист же тот, кто обнаруживает приверженность *эмпиристскому тезису*, согласно которому мы можем познавать и действительно познаем мир как он есть (там же). На наш взгляд, автор не учитывает здесь двойственного характера человеческой преобразующей деятельности: сознание является, конечно, не просто отражением действительности, а отражением на основе созидания идеальных моделей; но и материальная деятельность реально преобразует действительность, воплощая творческие замыслы человека. Мы познаем объекты в их *преобразованном* виде, и для материалиста, в том числе Маркса, реальное (включающее в себя идеальное, сознательное) изменение мира оказывается основой правильного познания.

Как нам кажется, непонимание этого обстоятельства есть в том числе следствие недостаточного знакомства зарубежных авторов с отечественными философскими исследованиями 60-80 гг. XX в. (Э.В.Ильенкова, В.А.Лекторского, В.С.Библера), в которых было проанализировано соотношение *материальной* (реальной) и *идеальной деятельности* (статья Э.Ильенкова «Идеальное» появилась в 1962 г.). Если исходить из простейшего акта деятельности, когда, например, человек обтесывает камень, делая из него топор, то, надо заметить, что последнего еще нет - он есть, но в мышлении. Однако, по Марксу, сначала

должна *начаться* реальная, материальная деятельность, чтобы возникла ее *цель* - сознание, сознание включено в деятельность как ее целеполагание, т. е., по Марксу, как ее производное. Отсюда « материя первична, сознание вторично». Хотя, в известном смысле, Т. Рокмор прав, поскольку не бывает деятельности без цели, а цели - без деятельности; иначе говоря, сознание (мышление) входит в определение самой предметной деятельности.

За исключением этих важных уточнений, во многом другом позиция Т.Рокмора представляется верной, а его анализ работ К.Маркса - обстоятельным и высококвалифицированным.

Автор даёт читателю поэтапный, четко разработанный, тщательно осуществленный разбор всех основных произведений К.Маркса с выделением главных понятий на каждом этапе, с пояснением смысла переходных периодов и их значения для формирования целостного учения К.Маркса. В результате Маркс предстает как выдающийся мыслитель, объяснивший самые существенные особенности жизни человеческого общества и его истории. В этой оценке творчества Маркса доказательно пересекаются две главные линии: отношение Маркса к Гегелю и новое понимание им политической экономии.

Уже исходя из того, что Маркс был объявлен гегельянцем, видно, сколь многое, по мысли Рокмора, Маркс заимствовал у Гегеля. Маркс берет у Гегеля такие его важные постулаты, как: идеи об историческом развитии общества, о разумности истории, о смене одного общественно-исторического этапа другим, но он переосмысливает их на базе своего собственного, подчеркиваем - материалистического понимания истории.

Маркс, будучи еще совсем молодым, начинает строить свою концепцию с критики гегелевской «Философии права», созданной Гегелем в 1817-20 гг. Две главные ошибки Гегеля Маркс видит в том, что, во-первых, он исходил не из реального состояния государства и общества, а из движения категорий, которым они подчиняются. А во-вторых, он критикует Гегеля за то, что тот не понял значения частной собственности. Воплощение и развитие категорий права, гражданского общества, договора, государства порождает, как думает Гегель, развитие общества; Маркс же считает, что дело обстоит как раз наоборот; категории лишь отражают действительное положение вещей. Гегелю можно предъявить тот же упрек, который позже будет предъявлен Марксом Прудону: «категории не первичны, а вторичны, они - теоретическое выражение действительной человеческой истории» (с. 174). Подмечая это, автор книги точно выражает марксовы мысли. То же можно сказать о частной собственности - по Гегелю, в частной собственности выражена изначальная нравственная воля человека; согласно Марксу, именно частная собственность - основание гражданского общества и государства, которая появилась исторически и подлежит уничтожению. В результате Гегель скрывает, полагает Маркс, противоположность между частной собственностью, частными интересами и интересами государства. Гегель ошибочно думает, что государство есть воплощение нравственной идеи и высшая форма свободы, тогда как на

самом деле оно является слепой природной необходимостью (см. с. 107).

Однако философия Гегеля, действительно, была важным источником марксовых идей, и в дальнейшем Маркс многое заимствовал у Гегеля. Во-первых, Т. Рокмор выделяет внимание к истории. Как нам кажется, данный раздел анализа марксовых идей наиболее точен и удачен. Конечно, у Гегеля развивается Абсолютный Дух, а не способ производства, но и человеческая история, следуя ему, тоже развивается. Маркс принимает, как верно полагает автор, основной пафос гегелевской концепции и сформировавшийся после Французской революции вывод, что «все в конечном счете исторично» (с. 323).

Маркс, отмечает автор, заимствует у Гегеля и убеждение в том, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы» (с. 333), и утверждение того, что «противоречие - вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить» (с. 337). Признание принципа противоречия дает Марксу важный исторический инструмент анализа - возможность представить исторический процесс как борьбу двух противоположных классов.

Маркс заимствует также у Гегеля идею прогрессивного хода истории и - что очень важно - принцип «снятия». Последнему Т. Рокмор, как нам кажется, уделяет недостаточное критическое внимание. Ведь именно принцип снятия, о котором мало кто сегодня - и у нас, и на Западе - задумывается всерьез, принимая его как нечто бесспорное, на деле особенно уязвим. Он не позволяет выявить специфику прошлого, «подтягивая» его к настоящему, т. е. рассматривая прошлое как недоразвитое настоящее. «Анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны» (Маркс) - вот кредо такого подхода. Но мы не можем раскрыть ни специфику обезьяны через человека, ни специфику, скажем, античного общества через капиталистическое, если усматриваем в нем черты, сближающие его с последним.

Продолжая рассматривать отношение Маркса и Гегеля, Т. Рокмор показывает, что и понимание истории как прогресса в сознании свободы, и толкование свободы как познанной необходимости Маркс берет у Гегеля, вследствие чего, несмотря на критику Гегеля Марксом, «собственные теории Маркса являются в широком смысле гегельянскими» (с. 327). Вклад Маркса оценивается теперь как модернизация взглядов великого предшественника, хотя «в каких-то отношениях он отходит от него» (там же). Нам кажется, все же трудно считать Маркса гегельянцем, поскольку «отход» этот довольно существенен; ведь считать историю следствием развития Мирового Духа или развития экономики - это «две большие разницы».

В своем каузальном объяснении исторических явлений Маркс, как показывает Т. Рокмор, опирается на гегелевскую концепцию объективного противоречия (см. с. 340 и далее). Отчуждение свидетельствует о внутренних противоречиях индивида и противоречии в его отношениях к другим людям. Вообще говоря, отчуждение указывает на противоречие между капитализмом и разносторонним развитием индивидов, а еще шире между человеком и

человеком и человеком и природой (см. с. 342).

Все это совершенно верно, и мы должны по достоинству оценить достижения автора. Они заключаются в том, что, как уже было отмечено, в книге очень внимательно рассмотрен каждый этап становления марксова учения. Так, при анализе «Grundrisse» 1857-59 гг. на первый план правильно выводится тема отчуждения в связи с критикой современного индустриального общества и тема развития машинной индустрии; в «Капитале» - тема товарного фетишизма и данный Марксом анализ стоимости - прибавочной, меновой, потребительной; в «Критике политической экономии» - историческое развитие способа производства, в «Парижских рукописях» в центр попадает смысл человеческой истории и сущность человеческого бытия. Переход к политэкономии обусловлен представлениями Маркса о сущности человека.

Уже в «Экономическо-философских рукописях» Маркс осознает, что человеческая деятельность, составляющая сущность человеческого бытия, рефлексивна, т. е. устремлена на себя. Человек отличается от животных тем, что делает свою жизнедеятельность предметом своей же жизнедеятельности.

Позже эта жизнедеятельность превратится у Маркса в понятие способа производства - в производительные силы и производственные отношения; и если в «Немецкой идеологии» вместо последнего термина употребляются еще понятия «форма общения», «способ общения», то в «Критике политической экономии» и в «Капитале» представлен уже отчетливо сформулированный термин «производственных отношений». Именно они составляют реальный экономический базис общества, именно развитие экономики является импульсом исторического движения.

При анализе этой сферы марксовой деятельности Т.Рокмор обнаруживает удивительную проницательность и фундаментальное понимание сути дела. Начинает Маркс, как правильно подмечает автор, с разбора прежних политэкономических учений.

Критикуя Прудона в «Нищете философии», Маркс обращает к нему претензии относительно того, что он основывается, как и Гегель, на вечных категориях; поэтому его концепция антиисторична. Более плодотворен, по Марксу, А.Смит; он сформулировал 3 важных принципа экономической теории: 1) в обществе господствует корыстный интерес (можно было бы сравнить его с утилитаризмом Гельвеция); 2) естественный порядок таков, что своекорыстие увеличивает общественное благо; 3) лучшая программа действий состоит в том, чтобы не вмешиваться в экономические процессы - они сами себя регулируют. Как известно, последний «закон» требует уточнений, которые касаются и Маркса: даже капитализм требует некоторого вмешательства в рынок государства. Но Маркс, отмечает Т. Рокмор, уделяет неизменное внимание А.Смиту, затем - Рикардо, которые исходили из таких простых экономических понятий, как труд, потребность, меновая стоимость, международный

обмен, мировой рынок. «Маркс утверждает, что мы не можем постигать экономические явления непосредственно, но лишь посредством экономических категорий, используемых в современной политической экономии - словом, в рамках определенной концептуальной конструкции» (с. 193). Заметим, что здесь Маркс не выступает против интерпретации экономической жизни посредством категорий - по-видимому потому, что в них выражена определенная экономическая концепция. Хотя Маркс не один раз высказывает свое уважение Рикардо, все же он полагает, что ни Смит, ни Рикардо, ни Кенэ не поняли сущности прибавочного времени и прибавочной стоимости.

Маркс, несомненно, как полагает Т. Рокмор - и в этом мы с ним полностью согласны - дал самое исчерпывающее и глубокое объяснение природы капиталистического общества и процесса его функционирования. В «Grundrisse» 1857-59 гг. он вводит различие между трудом и рабочей силой и показывает, что рабочая сила имеет особую природу. Она производит больше, чем стоит, она производит прибавочную стоимость. До этого фундаментального вывода, как верно отмечает Т.Рокмор, не дошел ни один из политэкономов XIX в. Рабочая сила создает стоимость, не только покрывающую расходы на поддержание себя в «рабочей форме», не только окупает стоимость средств производства, но и производит нечто за пределами всего этого. Это нечто и есть прибавочная стоимость, неоплаченная часть труда рабочего, которую капиталист присваивает себе, за счет чего и создается капитал. Маркс доказал, что речь идет сначала об отъеме у работника средств производства (очень хорошо показан этот процесс в главе о первоначальном накоплении в «Капитале»), вследствие чего работник вынужден продавать свою рабочую силу. Вот она-то и создает прибавочную стоимость, т. е. прибыль капиталиста.

Маркс показывает тем самым, что капитал - это не деньги и не товары, а общественное отношение. В открытии этого состоял настоящий научный подвиг Маркса.

Маркс, пишет Т. Рокмор, находит выход из ситуации отчуждения и вообще из системы капитализма. Это выход обусловлен развитием автоматизации.

Маркс уже увидел результаты внедрения машин-автоматов. Развитие средств труда, повышая его производительность, ведет к сокращению необходимого рабочего времени (еще одно открытие Маркса - установление различия между необходимым и свободным временем). Но это не улучшает, а лишь ухудшает участь рабочего, который тратит меньше времени на производство одного предмета с тем, чтобы произвести большее их количество. И Маркс предполагает, что повышение производительности труда в конечном счете ведет к уменьшению заработной платы, что неминуемо несет с собой ухудшение жизни рабочих и революцию. С другой стороны, все большее внедрение машин сокращает все рабочее время, в том числе и прибавочное, и тем самым уменьшает норму прибыли, что опять-таки ведет капитализм к гибели.

Надо отдать автору книги должное - он рассматривает не только эти важные моменты марксовой системы взглядов, но и соотношение меновой и потребительной стоимостей, земельной ренты и капитала, постоянного и переменного капитала и т. п. Частная собственность исследуется особо, как и общественное разделение труда и отчуждение.

Исходя из анализа капитализма, Маркс, как верно замечает автор, объясняет соотношение базиса и надстройки в обществе (Т.Рокмор, как нам кажется, правильно полагает, что Маркс ничего, к сожалению, не говорит об обратном влиянии надстройки на базис). В результате проведенного им анализа капитализма (и вообще истории) Маркс имеет право утверждать, что именно экономика (т. е. производственные отношения) является основой жизни общества, что она есть «базис», на котором возвышается политическая, научная, художественная и иная надстройка, что только экономика ответственна за все возникающие в обществе перемены и превращения.

И опять-таки повторим вслед за Рокмором: не было в истории политэкономии XVIII-XX вв. мыслителя, который объяснил бы все общественные явления на базе единой сущности, а именно экономики, и затем распространил бы человеческую историю за пределы «предыстории» (при коммунизме). Но хотя Рокмор и оценивает Маркса в этой связи как «настоящего колосса, создателя самой впечатляющей общей теории современного мира из всех, которыми мы располагаем» (с. 355), с которым не сравнятся ни мыслители прошлого, ни мыслители современности (Делёз, Хабермас, Деррида, Глюксман), он не может не высказать некоторые возражения. Прежде всего по поводу экономики.

Сведёние надстройки к экономическому базису было бы, по его мнению, равносильно тому, чтобы думать, что планеты представляют собой точечные массы на том основании, что так представлял их Ньютон, создавая свою теорию (см. с. 353).

С этими замечаниями трудно согласиться как раз потому, что Маркс подмечает ограниченную или даже сходящую на-нет роль экономики в будущем. Но вопрос об удовлетворении собственно материальных потребностей человека все же остается вопросом (если не считать, конечно, что производительными силами каким-то образом - каким?- станут сами человеческие способности). С некоторыми другими замечаниями автора - относительно роли пролетариата, значения пролетарской революции - можно было бы согласиться.

Критикуя марксову концепцию коммунизма как «решение загадки истории», он пишет о развитии внутри этой структуры некоей «свободной человеческой деятельности». По этому поводу можно было бы привести верное, на наш взгляд, деление Марксом труда на «совместный» и «всеобщий духовный»; последний и есть та самая свободная деятельность. Жаль, что автор книги не уделяет данной теме достаточного внимания - она для Маркса (да и для нас) очень важна. Эта свободная деятельность осуществляется при предполагаемом коммунизме, хотя Рокмор пишет о том, что «после многолетней борьбы за коммунизм Маркс...

со всей очевидностью отказывается от коммунизма как обязательного условия действительной человеческой свободы. Свобода теперь уже не предполагает разрыва с предшествующей стадией развития общества, т. е. заключается не в революции, а в коренном улучшении условий жизни общества» (с. 315). Маркс не отказывается от коммунизма - для него он и есть бесклассовое общество со свободной творческой деятельностью людей; но переход к нему действительно возможен не насильственным, а мирным путем в результате развития человеческих способностей и производительных сил (если, конечно, не считать революцией изменение социальной структуры общества). Что касается пролетариата, Т.Рокмор объясняет нам, что, хотя Маркс, в отличие от других авторов, находит действительного исторического субъекта в лице пролетариата, однако «эта точка зрения является мифологической, поскольку предполагает, что пролетариат преддрекает развитие истории или что он может показать путь от предыстории к человеческой истории» (с. 322).

Всем известно, что пролетариат стал для Маркса самым революционным классом, поскольку он был связан с самым передовым производством и кроме того был заинтересован в собственном уничтожении. Но известно также, что уже в «Капитале» Маркс называл «наёмным работником» не только пролетария, но и бухгалтера, и даже собственника средств производства. Если бы Маркс развил эту точку зрения, это помогло бы ему избавиться от принципа диктатуры пролетариата, который принес человечеству неисчислимые беды. Автору можно было бы вспомнить в этой связи о проведенном Марксом делении между «необходимым рабочим» и «свободным» временем. Но Т.Рокмор вообще очень критически относится к коммунистическим марксовским идеям, к мыслям о том, что коммунизм рассматривается Марксом как «жизнеспособная альтернатива современному индустриальному обществу» (с. 206), как «выявление творческих дарований индивида» (с. 207). Все же, несмотря на ряд критических замечаний и уточнений, книгу Т.Рокмора надо признать актуальной, своевременной и очень интересной. Удачной следует считать критику Рокмором идеологии вообще, коммунистической, в частности. Его стремление отделить взгляды Маркса от официального (прошлого) и нынешнего марксизма отвечает современным запросам общества. Так же, как следует приветствовать его желание осмыслить теоретические отношения К.Маркса и Энгельса; такой разбор предпринимается впервые.

Эта книга - попытка после ухода официального марксизма со сцены - заново открыть Маркса и показать, что влияние марксизма в рабочем движении сегодня уступает влиянию экономического либерализма. Но в своих главных политэкономических и исторических открытиях Маркс непревзойден.

Благодаря этому он предстает как «великий мыслитель, значимость которого не может вызвать сомнения» (с. 242). Нельзя не поблагодарить И. Борисову, сделавшую очень хороший перевод, а также В.А. Лекторского; ответственного редактора, предложившего нам

эту интересную книгу.

* * *

Книга современного американского историка Аллана Мегилла, по мысли автора, имеет своей целью дать читателям представление об аутентичном Марксе, для чего следует отбросить догматические представления и обратиться к текстам самого К. Маркса. Это намерение автора нельзя не приветствовать. Разумеется, все тексты Маркса проанализировать в одной книге нельзя, поэтому автор отбирает то, что, на его взгляд, заслуживает внимания, а также то, что можно подвергнуть сомнению, вступив в диалог с великим мыслителем. Мегилл пишет: «Предлагаемая мною интерпретация Маркса нова, я понимал, что еще никто не смотрел на Маркса так, как это сделал я» (с. 19). Нам предстоит выяснить, действительно ли автор представил нам новый взгляд, и если это так, подкреплен ли он основательно изученным материалом.

Если коротко сформулировать самое главное, что Мегилл считает «новым словом», то следует выделить следующие моменты: утверждается, как и у Рокмора, что Маркс не был материалистом, что, далее, Маркс не был «онтологическим материалистом» (т. е. не считал природу материальной); что его следует считать гегельянцем. Хотя Маркс отверг гегелевское утверждение о том, что мир есть идея, или дух, он принял гегелевское понятие «встроенного (в историю) прогресса» (с. 56). У Гегеля же он взял учение о борьбе противоположностей, о необходимости и о свободе как познанной необходимости. Но все же «горизонт Маркса был в некотором смысле даже шире, чем гегелевский» (с. 32), - признает автор.

Доказывая, что Маркс не был материалистом, Мегилл, например, пишет: «В философии слово материалист традиционно существует весьма специфическим образом для обозначения онтологической точки зрения - другими словами, обозначения того, каким образом мир в конечном счете конституирован (он материален и ничего более). Понятый таким образом материализм в теории Маркса играл весьма незначительную роль» (с. 35).

Маркса, как полагает автор, следует считать «синтезатором», т. е. человеком, объединившим материализм и идеализм в духе Спинозы; его можно, скорее, охарактеризовать как реального гуманиста или натуралиста (см. с. 65), как он сам себя называл.

Наши возражения автору касаются прежде всего того, что материализм в теории Маркса играл весьма значительную роль. Для доказательства этого достаточно обратиться в первую очередь к «Тезисам о Фейербахе» (1845г.), где Маркс противопоставляет идеалистически и материалистически понятые виды деятельности. Для идеалистов исходным является мысленное конструирование, вследствие чего разум выступает как демиург действительности. Для материалиста же дело обстоит как раз наоборот: по Марксу, сначала

должна *начаться* материальная деятельность - руками и орудиями - чтобы появилась ее цель - сознание. Оно есть продукт материальной деятельности, оно представляет собой *целеполагание*.

И в онтологическом плане Маркс материалист, т. к. он называл природу «неорганическим телом» человека, а тело, как известно, материально, да и вообще материальное изменение природы предполагает ее материальную основу. Кроме того, возразим мы автору книги, материалист вовсе не тот, кто отрицает наличие в природе чего-либо, кроме материи - нет, в нее включается и сознание, хотя как результат развития материальной субстанции - так считал Маркс.

Мегилл считает своей заслугой объяснение того, почему в будущем Маркс отрицал политику, частную собственность и рынок. И в «Манифесте коммунистической партии», и в «Критике гегелевской философии права», и особенно после Парижской Коммуны Маркс предполагал, что если государство при коммунизме и сохранится, то это будет особое, *неполитическое* государство (см. с. 75). Причины подобного отрицания автор видит в том, что «политика не обладает имманентной разумностью» (с. 76) (а Маркс вслед за Гегелем рассматривал историю как процесс «со встроенной разумностью»), что поэтому она несовершенна. Ее место в будущем, по Марксу, как полагает автор книги, займет наука, оптимально структурирующая все административные и государственные дела. Государство в дальнейшем будет руководимо научной интеллигенцией. Вообще автор, как нам кажется, преувеличивает интерес Маркса к науке его времени; это можно отнести, скорее, к Энгельсу, нежели к Марксу.

Маркс отрицает в будущем частную собственность и рынок, и причиной является то, что они иррациональны. Что бы ни потребовалось для удовлетворения потребностей индивидов по приобретению разных предметов, будет им предоставлено из общего набора оборудования и средств труда - от материальных до интеллектуальных ресурсов. Такова точка зрения Маркса. А. Мегилл же считает, что Маркс был здесь не совсем прав. Одна из причин кризиса и коллапса СССР заключалась в нежизнеспособности его экономики, в частности, в отсутствии эффективно работающего рынка (см. с. 139). Отрицание рынка было связано с отрицанием частной собственности; раз её нет, то нет отношений купли-продажи. Рынок, согласно взглядам Маркса, иррационален; каждый в обществе производит на свой страх и риск, не учитывая потребностей и возможностей других. Рынок реально существует тогда, когда в наличии имеются покупатели и продавцы, готовые наращивать свое материальное благосостояние. Если исчезнет частная собственность, исчезнет и рынок; на первом этапе после этого работники будут получать от общества по труду, а затем - по потребностям. Предполагается, что всего будет в изобилии.

При анализе этого вопроса автор верно, как нам кажется, обращается к статье Маркса 1842 г. «К еврейскому вопросу». Связывая рынок с идеей свободы, Маркс не совсем политически

правильно характеризует дух еврейства как торгашество и своекорыстие. Сомневаясь в правильности такой точки зрения (мы вместе с автором книги даже назвали бы её в известном смысле антисемитской), Мегилл замечает, что дело не в еврействе, а в капитализме. Именно он порождает рынок. Но Маркс употребляет, вопреки своей общей позиции, в данном случае термин *торгашество* (на иврите *schacher*); однако в конечном счете не антисемитизм, а отрицание духа торгашества привело основателя марксизма к отрицанию рынка. Рынок, по Марксу, иррационален (см. с. 169).

Перейдя к изучению экономики, Маркс, как считает А. Мегилл, остался на тех же позициях; будучи сторонником высокого рационализма, Маркс не мог принять непредсказуемости и стихийности рынка. Если бы, по Марксу, мы обладали сегодня достаточным уровнем знаний о преобладающих в данный момент технологиях и условиях производства, мы были бы способны предсказать, каким образом производитель решит организовать свою производственную деятельность. Это и произойдет при коммунизме.

Автор книги высказывает вполне резонные сомнения по этому поводу: есть множество вещей, которые, как он пишет, трудно рассчитать заранее; очень часто жизнь ломает все человеческие расчеты. Люди часто не догадываются о нужде в каком-то материальном продукте до тех пор, пока он не будет произведен. Есть вообще множество предметов, о которых ничего нельзя сказать заранее. Далее А. Мегилл указывает, что при отсутствии цены на рынке - на автобус, самолет и т. д. - человек не может решить, чем ему лучше перемещаться. «Рынок есть инструмент анализа динамики потребностей» (с. 296). Итог - хотя рынок и не универсален, он «в надлежащих гражданско-правовых условиях является механизмом удовлетворения человеческих потребностей» (с. 298). Маркс и Энгельс, как считает автор, «переценили возможности научного планирования и недоценили значения анархии в процессе производства» (там же). «Рыночное общество» в будущем определяется А. Мегиллом как экспериментальное.

Далее, как хочет показать автор, Маркс связывал рынок с частной собственностью: если нет частной собственности и денег, то нет и рынка. Верно и обратное. «Истинный рынок есть рынок продавцов и покупателей» (с. 147). В СССР был псевдорынок, т. к. отсутствие частной собственности не дало ему развиваться. Рынок как иррациональный феномен не позволял, по Марксу, осуществиться идеалу разумного царства. Поддержка рынка, по мысли автора, должна осуществляться политически; и Маркс был не прав в преувеличении роли науки при регулировании потребностей без рынка. «Политика и государство ставят нас перед необходимостью решать такие задачи, которые просто неподвластны науке (см. с. 309), например, где и какие строить школы, дороги и т. п.

А. Мегилл приводит интересные взгляды Х. Арндт, считающий политику жизненным пространством, в котором человек существует как публичное существо и где он непосредственно вовлечен в политическое управление и принятие решений. Здесь можно

было бы посоветовать автору обратить внимание на гражданское общество, в котором человек в современных условиях и чувствует себя свободным создателем.

Автор рассматривает переход Маркса от политических решений ранних лет («Критика гегелевской философии права», критика Прудона, А.Смита и Рикардо) к экономике. А. Мегилл считает главной причиной такого перехода стремление Маркса подчинить все происходящие процессы принципу разумности.

Маркс много занимался Французской революцией, хотя и не написал её истории; в начале 40-х годов он изучал также работу Монтескье «О духе законов», и все вместе привело его к мысли о решающей роли отношений людей в производстве и о классовой борьбе в обществе. Деятельность Конвента заставила его задуматься о более глубоком, чем политика, основании жизни людей. «Так он переходит к экономике; политика была сведена им к экономике» (с. 125). Несмотря на противоречие с эмпирическими фактами, как считает автор, Маркс твердо верил в прогрессивный ход истории вследствие развития способа производства.

В книге анализируется марксово «материалистическое понимание истории». Ценно то, что Мегилл очень четко приводит те места в работах Энгельса, где впервые был применен этот термин, а также указывает, что кроме главных работ Маркса и Энгельса («Немецкая идеология», «К критике политической экономии. Предисловие» и «Развитие социализма от утопии к науке») основатели марксизма много писали об этом в письмах к разным корреспондентам.

А. Мегилл обращает внимание и на некоторые неточности марксовской концепции истории. Автор считает, что главные тезисы К. Маркса относительно теории исторического процесса грешат многими несообразностями. В частности, Маркс в них выражает веру в *добродетельный характер истории, в её встроенную разумность, в прогресс истории*. Сам Энгельс, как подмечает Мегилл, пишет в письмах к разным корреспондентам, что «концепция материалистического понимания истории начинает разваливаться» (с. 201) почти сразу же после её создания. Так, понимание базиса Марксом двусмысленно: с одной стороны, это весь способ производства; с другой стороны, это только производственные отношения (см. с. 204). Автор также считает неверным отождествление Марксом *материальности и социальности*; последнее наводит на мысль об идеальности производственных отношений (см. с. 207), - на наш взгляд, это вовсе не так.

В итоге автор заявляет, что если мы примем «материалистическое понимание истории», то это приведет к полному непониманию сущности концепции истории Маркса. Непонятно, почему история имеет *поступательный* характер; Маркс, согласно автору, взял это у Гегеля и потому может быть понят как мыслитель, не «просто переворачивающий идеи Гегеля, а как продолжатель Гегеля», «его последователь, развивающий его важные догадки» (с. 210).

Вряд ли стоит так сблизать Гегеля и Маркса, поскольку у Маркса развивается все же не Дух, а способ производства, который Маркс не один раз характеризует как материальный. Можно было бы вспомнить здесь о Вико, о Шпенглере; странно, что нет вообще упоминаний о М. Бахтине, хотя на Западе уже давно о нем существует обширная литература как раз по проблеме взаимодействия культурных эпох.

В книге по ходу критики материализма есть немало других важных моментов - дается критика отчуждения, представлен разбор темы «Маркс и современность», и др. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что книга содержит ряд интересных аспектов, касающихся творчества К.Маркса и содержащих к тому же некоторые обоснованные претензии на новизну подхода, в частности, что касается рынка и экономики.

Но после знакомства с книгой А. Мегилла нельзя не сделать несколько существенных замечаний. Как мы уже видели по книге Т. Рокмора, не один А. Мегилл относит К. Маркса к идеалистам и гегельянкам. Видимо, такова сегодня тенденция на Западе. Но что Мегилл должен был сделать, на наш взгляд, - это более внимательно проанализировать марксовские материалистические высказывания. По большому счету А. Мегилл, так же, как и Т. Рокмор, прав, т. к. не бывает деятельности без цели, а цель не возникает без деятельности, т. е. практическая деятельность всегда целесообразна, и сознание включено в деятельность. И здесь у Мегилла имеются определенные основания указывать на неточность марксова понимания.

В разделе, посвященном исследованию экономики, удивляет невнимание к прибавочной стоимости, прибавочному труду - ведь именно это составляет суть марксовой критики капитализма; отсутствует разбор необходимого и прибавочного времени. Отсутствует также анализ отношения совместного и всеобщего духовного труда, а оно важно для Маркса в плане понимания перехода от капитализма к будущему обществу.

Но в целом книга А. Мегилла производит хорошее впечатление и заслуживает внимания специалистов и всех, кто интересуется марксизмом. Она требует размышления и новой постановки проблем. Хотелось бы поблагодарить М. Кукарцеву за хороший перевод и подготовку книги к изданию.

Т.Б. Длугач

Перепечатано с сайта Журнала Вопросы философии

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=408&Itemid=52